

Издательстве "Вече" готовит к выходу в свет книгу Геннадия Алёхина "По ту сторону войны (записки начальника пресс-центра)", центром которой является легендарный "чеченский генерал" Геннадий Николаевич Трошев. "Я встретился с ним весной 1995 года. В горах Чечни шли тяжёлые бои. Трошев руководил группировкой министерства обороны. Я прилетел на командный пункт, чтобы представиться о назначении редактором фронтовой газеты "Защитник России". К моему удивлению он встретил приветливо, предложил присесть, сказал просто: "Давай, поговорим!" Эту фразу я слышал потом регулярно, в течение двенадцати лет", — пишет автор.

«ДАВАЙ, ПОГОВОРИМ!»

Штрихи к портрету генерала Геннадия ТРОШЕВА

ШИШКИ НА ЛБУ

В различных толковых словарях ньюсмейкерами считаются люди, вызывающие устойчивый интерес публики и средств массовой информации. О них говорят, их имена на устах у многих. Ведущие политики, начиная с президента, и олигархи всегда были в центре внимания. О деятелях шоу-бизнеса и прочей светской тусовки даже говорить не приходится. Они не вылезают из студий ТВ, красуются на ярких обложках глянцевого журналов. Когда в России вспыхнули чеченские войны, ньюсмейкерами стали называть и некоторых генералов. Надо признать, события на Северном Кавказе всколыхнули общество. Люди хотели знать правду. Причём не только от журналистов, но и от силовиков, возглавлявших боевые операции.

Генерал Геннадий Трошев свой первый опыт в этом плане получил во время драматических событий февраля 1996 года (речь идёт о нападении боевиков на колонну военнослужащих 58-й армии в районе ингушских сёл Аршты и Галашки). Тогда некоторые СМИ с подачи руководства республики попытались во всём обвинить российских военных. Об этом более подробно рассказано в одной из глав. Трагический инцидент заставил задуматься о многом. Причём не только Трошева и других военачальников — весь пропагандистский аппарат Министерства обороны РФ. Кстати, об информационной войне и её значении в те годы мало кто толком знал, мало кто понимал суть вопроса. Ещё живучи были идеологические штампы и клише советских времён. Помню, как в конце восьмидесятых, выезжая на дивизионные тактические учения в Забайкалье, начальник политического отдела мог три шкуры спустить, если вовремя не отпечатаешь массовым тиражом листовки о коварных замыслах китайских империалистов.

Афганистан — тема отдельная. Военные журналисты газеты Туркестанского округа "Фрунзевец", многоотрядных дивизионов выполняли свой профессиональный долг честно, не кланялись пулям, смело ходили в рейды, приобрели хороший практический опыт. Но не всё написанное в блокнотах и записанное на камеру доходило до страниц газет. Поэтому репортажи с броскими заголовками "Мела свинцовая метель", когда "окровявленные мишени условного противника уподобили в горы", вызывали, мягко скажем, отторг... А телевизионную программу "Служу Советскому Союзу" называли просто — "В гостях у сказки". Такие были времена, ничего не попишешь!

Трошев одним из первых уловил перемены в информационном пространстве. Обстоятельства чрезвычайные заставили, вынудили обратиться за помощью к прессе. Причём к военной. Штатной должности начальника пресс-службы (пресс-центра) в то время в 58-й армии не было. Зато была армейская газета "Защитник России". И Трошев об этом знал. Пришлось мне выступить в роли телевизионного репортера. Спасибо редактору информагентства "Иринформ" И. Таболову! Совместными усилиями мы помогли генералу выступить в роли ньюсмейкера. А ведь не улови он тогда этих перемен, могли бы появиться очередные слухи и небылости, с телеканала на телеканал курсировала бы отравенная ложь. Как это произошло с "гибелью" целой бригады. До сих пор, наверное, в сознании каждого россиянина (да и за рубежом) бытует мнение о том, что в первые дни 1995 года на грозненском железнодорожном вокзале почти в полном составе погибла 131-я мотострелковая бригада. А ведь это не так! Правда состоит в том, что чуть больше трёхсот солдат и офицеров бригады (столько насчитывала личного состава 131-я бригада на момент ввода в Чечню) в составе усиленного батальона вели неравный бой с отборными формированиями дудаевских боевиков численностью до тысячи человек. Около трёхсот сепаратистов были уничтожены федералами. Сами они потеряли более семидесяти солдат и офицеров, остальных удалось выйти из окружения. И этот выход из колёса — тоже успех!

К сожалению, ложных сенсаций в первую чеченскую войну было много, и они никак не опровергались. Отсюда живучесть мифов про несостоятельность и бездарность российской армии. Несмотря на правдивый телефильм А. Сладкова о майкопской бригаде. Или ещё пример. Иностранные журналисты с подачи дудаевцев готовились (в очередной раз) обвинить военных лётчиков в расстреле мирных жителей в горных сёлах. Ночью на окраине и в центре нескольких сёл боевики выставили самодельные фугасы, начинённые якобы отравляющими веществами. При пролёте наших "бомбовёров" взорвали их. Даже "телеа" пропагандистов от "варварской бомбежки" сумели притащить.

Оператору О. Дубинину удалось заснять всю эту бутафорию. Мы оперативно подготовили репортаж для центральных телеканалов, предварительно записав синхрон Трошева. Он подробно рассказал о провокации. И лётчики подтвердили. Скажите, вам ничего не напоминают недавние события в сирийском Идлибе?

Увы! Подобные разоблачения носили эпизодический характер. Зачастую действовали лишь запретительные меры по отношению к прессе. Как со стороны командования, так и пресс-центров силовых структур. Что говорить, если офицеры управления информации и печати Министерства обороны РФ в Чечне бывали редко? Пресс-секретарь министра Е. Агапова сопровождала его лишь во время прилётов на военную базу. А штат сотрудников пресс-центра СКВО составлял всего четыре человека, включая гражданского технического специалиста.

Труд честных военных газетчиков, начиная с "Красной звезды", окружных изданий, репортёров телестудии МО и СКВО ценили в войсках группировки. Но он был мало заметен в сравнении с ведущими центральными газетами (не всеми, надо признать), где чеченские события подавались предвзято и тенденциозно. Главными героями публикации становились правозащитники, политики и откровенные проходимцы, навязавшиеся на войне. Только не солдат, вышедший на плечах всю тяжесть. Он всегда распахивался за просчёты политиков ценой своей жизни.

Для сравнения вспомним те же девяностые годы, когда натовцы проводили различные наземные операции в Югославии. Во всех случаях общественность готовили к тем или иным мероприятиям, проводились массированная атака СМИ на умы людей. Со всеми журналистами велась адресная и детальная работа: им предлагалась тщательная подобранная фактура, целенаправленная информация. Не случайно, к примеру, только в Косово каждый десятый из состава миротворческих сил занимался исключительно информационной деятельностью! Они организовывали работу представителей СМИ и сами регулярно выступали в печати, на радио и ТВ.

Высокие чины, отвечающие за информационную политику в нашем государстве, в том числе и в силовых ведомствах, не смогли одолеть М. Удугова. Вполне разделяю неутешительные выводы специали-

ств надорвал. Громов отказался. Объяснил, что всегда выступал против ввода войск в Чечню, сказал, что готов написать рапорт об отставке. Большие замы у меня не было. В мирное время все хорошие, умные и смелые, а когда начались боевые действия — в кусты. Такое бывает и у генералов".

То, о чём незадолго до своей смерти так откровенно рассказал Павел Сергеевич в интервью газете "Труд", уже тогда обсуждали в войсках группировки. Открытые сведения доходили и до журналистов. О той атмосфере, и политической, и военной подробно рассказал в своих книгах генерал Геннадий Трошев. Там присутствуют некоторые штрихи к портретам непосредственных участников чеченских войн (генералов). Любопытный и обстоятельный анализ тех событий, на мой взгляд, дал и военный журналист Виктор Баранец в своей книге "Ельцин и его генералы".

Фото Алексея Давыдова МАКСИМОВА

В такой, без преувеличения, тяжелейшей и взрывоопасной ситуации в стране общество черпало всю информацию с помощью газет и телевидения. Люди хотели знать правду о происходящих событиях. Информационная составляющая приобретала всё большее значение. И многое зависело от генеральского корпуса.

Кстати, первые попытки установить тесные и доверительные отношения с прессой предпринял генерал Грачёв. Пресс-конференции и брифинги стали обычным явлением. Несмотря на шквал критики в свой адрес, он частенько давал интервью многим ведущим изданиям. При Грачёве впервые стали поощрять не только военных журналистов, но и представителей гражданских СМИ. Даже балье прессы стали закатывать на Арбате, где столы ломились от всевозможных яств и горячительных напитков. Ведущие редакторы задабривались дорогими подарками. Но подобные мероприятия носили скорее показушный характер, главной проблемы они не решали. Нужны были новые подходы, иная система работы.

Первые (конкретные) предложения об информационном обеспечении в условиях локальных конфликтов были выработаны не в больших кабинетах министерства обороны, а в тесной комнате пресс-центра СКВО. В то время возглавлял его полковник Яков Фирсов. Он разработал комплекс мер о едином информационном пространстве в условиях локальных конфликтов. Наработки легли на стол генерала Митохина. До начала боевых действий оставалось ещё полгода. Командующий отнёсся к предложениям подчинённого равнодушно, бумаги сунул в долгий ящик. Больше к этому разговору не возвращались. Мол, не высовывайся, в Москве сами всё придумают. И в столице что-то думали. Видимо, не сидели сложа руки. Но, судя по первым месяцам, да и всей первой чеченской кампании, кроме запретов и, по сути, введения цензуры ничего так и не придумали.

А вот будущий начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин отнёсся к предложениям Фирсова серьёзно. Новшества постепенно, пусть со скрипом, но стали внедряться. Обозначились контуры конкретной, плановой работы. Анатолий Васильевич обычно сторонился прессы. Но сыграл большую роль в переломе всей информационной работы, особенно во вторую чеченскую кампанию. Мало кто знает, но перед тем как наши войска форсировали Терек и начали с нескольких сторон брать мятежную республику в клещи, Квашнин имел предметный разговор с руководителями ведущих телекомпаний страны. Например, с О. Добродеевым. Встречи носили неформальный характер. Были выработаны чёткие правила поведения журналистов в зоне боевых действий, порядок взаимодействия и подачи информации.

Появились и ньюсмейкеры в генеральских погонах, о чём я уже рассказывал в предыдущей главе. Наиболее важные и ключевые события хода войны регулярно комментировали генералы В. Казанцев, Г. Трошев, В. Шаманов. Это обстоятельство неоднозначно воспринималось даже в высоких кабинетах Генштаба. Геннадия Николаевича, например, нередко упрекали за частое появление на телеэкране: несолидно, мол, командующему комментировать не самые громкие события.

Трошев хорошо понимал, сам не раз прочувствовал, как тяжело публично говорить о тактических просчётах и боевых потерях. Но и умалчивать об этом нельзя, ведь в противном случае общество перестёт доверять официальным источникам. В этом плане показателен пример с 6-й ротой десантников, принявшей неравный бой под Улус-Кертом с превосходящими силами боевиков.

В штабе группировки случился ступор. Пожалуй, впервые за последние месяцы боёв. Москва молчала, руководство в Ханкале также решило пока ничего не сообщать прессе. Но шила в мешке не утаишь! Меня ежeminутно дергали журналисты информагентств и телевидения, расспрашивая о больших потерях в горах. — Что говорить? — допекал я, в свою очередь, оперативных штаба, которые уже получали донесения из штаба Восточной группировки. Те только разводили руками. Скажи, мол, что-нибудь. Потом разберёмся. — Ничего себе, скажи что-нибудь! Нужна информация! Но затем и вовсе поступила команда — до особого распоряжения журналистам ничего не выдавать.

В общих чертах я, конечно, владел информацией, но донесения поступали в течение суток. Ровно столько шёл бой на высоте 776. Сведения разнились. Однако молчать было нельзя. Честно скажу, несколько слукавил. Во-первых, имел приказ от начальства пока не разглашать информацию. Во-вторых, "помогли"

сами журналисты. Задали вопрос о крупном боестолкновении совсем в другом горном районе Чечни, в ста километрах от реального места боя. Что ж, какой вопрос — такой ответ! Я прокомментировал, что в том районе, где указал репортёр, боёв в данный момент нет. В остальном информация уточняется. Казалось бы, и не соврал. А у самого кошки скребут на душе. Прилетел на вертушке Трошев. Я к нему. Коротко переговорили. Он был уже в курсе и владел полной информацией. Я объяснил настырность журналистов, которые штурмуют меня, пытаюсь добиться информации, а сами толком не знают, где и что произошло. Сам был свидетелем, как некоторые штабники советовали генералу умолчать об истинных потерях. Трошев размышлял недолго.

— Геннадий, собирай журналистов. Срочно! Он точно знал: любая правда — лучше сладкой лжи. Трошев первым рассказал о бое в горах, о потерях. Чётко, взвешивая каждое слово, акцентируя внимание на причинах случившегося и общей ситуации. Добавлю, что к тому времени генерал уже не возглавлял Восточную группировку. Казанцев находился в госпитале, у него прихватило сердце. На месте Трошева дружок согласился бы на обстоятельства, мол, обратитесь к десантникам. Мог бы и вовсе промолчать или отде-

латься дежурными фразами. Но Геннадий Николаевич принял удар на себя.

В такой же, мягко скажем, нестандартной ситуации оказался в августе 96-го и генерал Константин Пуликовский. Все помнят его знаменитый "ультиматум". Он обстоятельно, конкретно описал те трагические события в своей книге "Украденное возмездие". Боевикам удалось проникнуть в город и захватить важные объекты. Маскадов наверняка понимал, что, даже ставнув в Грозный все свои отряды, он всё равно окажется в колёсе. Авантюра чистой воды в военном отношении! Зато в политическом плане — верный козырь. В Москве избирали Б. Ельцина на новый срок. К тому же явно кто-то из Кремля подсказал Маскадову ударить именно в этот момент. Слив информации, откровенное предательство в высших эшелонах власти — в первую чеченскую войну явление, увы, не редкое. Достаточно вспомнить лето 95-го, когда боевиков прочно заперли в горах. И вдруг последовала команда: отступить. Трудно представить, какие чувства испытывали в тот момент генералы А. Куликов, Г. Трошев, В. Булгаков. В частях группировки в тот период открыто говорили о предательстве Москвы.

Пуликовский через журналистов обратился к жителям с предложением покинуть город в течение 48 часов по специально предоставленному коридору через Старую Суджу. Тогда удалось полностью заблокировать город: шелье не просохлали бы! Тщательно продуманный план, по всем правилам военного искусства, во многом был исползован через три года в январско-февральской операции 2000 года.

В августе 96-го в Москве праздновали победу Ельцина на выборах, а в Грозном отмечали свой триумф — боевики обрели "независимость", что было закреплено в Хасавюртовских соглашениях. Военных в очередной раз подставили и унизили.

И всё же кавказские войны сформировали целую плеяду настоящих выдающихся генералов, которые не в самый лучший период российской истории проявили высокие качества защитников Отечества, не запятнали честь мундира, не увиливали от решения сложнейших задач, главная из которых — не допустить развала страны.

Генералы А. Квашнин, В. Казанцев, Г. Трошев, А. Шаманов, В. Булгаков, С. Макаров, В. Молтенский, А. Отраковский, К. Пуликовский, А. Наумов. Список можно продолжить. И сыновей своих не держали в тёплых штабных кабинетах, не пристраивали в крупные государственные корпорации и коммерческие фирмы. Старший сын генерала Казанцева получил тяжёлое ранение в ходе первой чеченской. Из той же когорты военных — сыновья генерала Пуликовского; старший, Алексей погиб в 1995-м и был посмертно награждён Орденом Мужества, с воинскими почестями похоронен в Краснодаре. В Чечне, в том же 95-м, погиб сын генерала Г. Шлака (гвардии лейтенант ВДВ). С честью выполняли свой долг дети погибших генералов А. Отраковского, А. Рогова, Е. Скобелева.

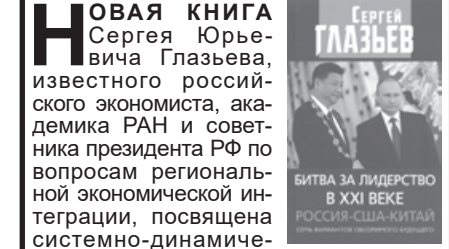
Конечно, в боевой обстановке многое зависит от доверия и даме симпатий. Зато точно: своеобразная система "свой — чужой" срывает не только на борту боевых самолётов, но и в глубине человеческой души. Особенно на фоне отсутствия военного и политического характера тех лет. Поэтому с уверенностью говорю, что проверенных журналистам, которых нельзя было перекупить в предвзятости или непорядочности, генералы доверяли. Признавали за ними ту самую силу влияния на общество, называемую 4-й властью, поскольку она сочеталась с профессионализмом, чувством долга перед читателем (зрителем) и желанием донести до него точную и беспристрастную информацию.

К примеру, генерал В. Шаманов часто опирался на группу Сладкова, военного журналиста К. Расщепкина. Пуликовский полагался на журналистов Р. Перевезенцева (ОПТ) и Е. Кириченко (НТВ). Генерал В. Булгаков ещё с Афганистана хорошо знал писателя А. Проханова, во всём доверял Николаю Астахиному (Красная звезда). Тесно сотрудничал с Владимиром Шурьгиным генерал В. Молтенский. Мухридин Ашуров всегда звал в гости Сашу Абраменко, даже фирменным словом угощал в горах. Про трошевский пул я уже упоминал. Прошу прощения, если кого из коллег не назвал!

И пусть временами давая सबой, но всё же заработала информационная система, выстрадавшая потом и кровью, путём проб и ошибок! Мы опирались на опыт, который выработался в те тяжёлые годы. Используют ли этот опыт сейчас? Наверняка. Но это тема совсем другого разговора.

Сергей ГЛАЗЬЕВ. Битва за лидерство в XXI веке. Россия—США—Китай. Семь вариантов обозримого будущего ("Коллекция Изборского клуба"). — М.: Книжный мир, 2017. — 352 с.

НОВАЯ КНИГА
Сергея Юрьевича Глазьева, известного российского экономиста, академика РАН и советника президента РФ по вопросам региональной экономической интеграции, посвящена системно-динамической оценке происходящего на наших глазах кризисного перехода современной мировой экономики к новому технологическому укладу, а также связанному на ней прогнозу отношений в "глобальном треугольнике" XXI века (Россия—США—Китай).

Проблемы, что и говорить, несущие стратегический характер и "взрывоопасные" — вплоть до начала новой полномасштабной войны, способной уничтожить всю человеческую цивилизацию.

Интересно, что вопреки предсказаниям большинства экономистов либерального толка автор книги считает китайскую социально-экономическую модель настолько устойчивой, что принимает её за константу, фокусируя своё внимание в основном на динамике российско-американских отношений. "В отношении последнего (Китай. — Г.С.) можно предположить сохранение нынешней системы институтов нового мирохозяйственного уклада и продолжение формирования нового центра мировой экономической системы в обозримой перспективе", — пишет Сергей Глазьев.

Несомненно, подобное допущение, переводя систему с тремя переменными в систему с двумя переменными, значительно упрощает задачи анализа, синтеза и прогноза, но, не будь подобной аппроксимации, объём добросовестного исследования сразу увеличился бы минимум втрое, что превратило бы данное издание в совершенно неподъёмный для прочтения, а тем более — для понимания и освоения адресной аудитории фолиант.

Из "семи вариантов обозримого будущего" для нашей страны, расчисленных академиком Глазьевым, — 1) сохранение статус-кво; 2) американская колонизация; 3) китайский протекторат; 4) изоляция и интервенция; 5) изоляция и мобилизация; 6) российско-китайское стратегическое партнёрство; 7) партнёрство США, России и КНР — судя по всему, в настоящее время реализуется вариант российско-китайского стратегического партнёрства, которое автор считает "реальным при формировании в России институтов нового мирохозяйственного уклада и переходе к стратегии опережающего развития". Следует отметить, что оба этих условия в современной России не выполняются или выполняются каким-то странным образом, что должно ставить под сомнение эффективность и прочность декларируемой "стратегической оси Москва—Пекин", или же сходство социально-экономической базы двух стран для их военно-политического союза не является обязательным. Отмечается, что на этом направлении "разрабатываются общие планы развития, реализуются крупные совместные инвестиционные проекты, наполняется реальным содержанием сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути; создаётся Большое Евразийское партнёрство; российская высокотехнологичная продукция осваивает китайский рынок; Россия подключается к ядру нового центра роста мировой экономики".

Сегодня это ещё не реальность, но уже перспектива с отличной от нуля и растущей вероятностью. Глазьев предсказывает на этом пути только плюсы: "Темпы роста российской экономики достигают максимальных значений — до 10% ежегодного прироста ВВП и 20% прироста инвестиций. Создание широкой антивоенной коалиции на главе с Россией, КНР и Индией. Этот вариант также предполагает существенное обновление российской властвующей элиты".

Вот насчёт последнего, честно говоря, имеются весьма существенные сомнения. Что, Чубайс, Кудрин и Ко не были в своё время членами КПСС, не клялись в верности делу Ленина и мировому коммунизму? Разве для них не возможен будет ещё один кульбит, с переходом от либерального "символа веры" к "символу веры", скажем, "евразийскому", во имя БРИКС и ШОС?! Если сам Сергей Юрьевич некогда нашёл в себе силы выйти из либеральной парадигмы "чикагских мальчиков" и "младореформаторов" из Международного института прикладного системного анализа, то разве не смогут это сделать — пусть из соображений не истины и справедливости, а выгоды и карьеры — упомянутые выше "гуру рыночной демократии"? Незавира на все бильберберские клубы и звания "лучших министров, банкиров и немцев"?.. Особенно — если дела "коллективного Запада" в целом и Соединённых Штатов в частности действительно пойдут под откос. Сколько "правовых либералов" за последние годы оказались "правовыми патриотами"!.. Да, широк, и порой чересчур широкий русский человек — любой этнической и вероисповедания — но попорбуй-ка его "сюзить"!

В основном же с оценками и выводами автора, приведёнными в рецензируемой книге, трудно не согласиться.

Георгий СУДОВЦЕВ

ДМИТРИЙ БЫКОВ был театральным режиссёр школы Иосифа Райхельгауза. Дмитрий Быков решил поставить спектакль "Анна Каренина" в этом спектакле Вронский и Каренина были фронтowymi друзьями. Вронскому в лазарете отрезали ногу, и его полюбила сестра милосердия Анна. Анна хотела отдать Вронскому свою ногу, но она эту ногу сломала, потому что она была Фру-Фру. Роль Фру-Фру играл Юрий Кобаладзе.

Дмитрий Быков поставил ещё один спектакль "Анна Каренина". В этом спектакле Анна Каренина была владелицей дельфинирия, а Вронский и Каренина были дельфинами. Дельфин Вронский и Анна полюбили друг друга и женились, а дельфин Каренина бросился под поезд. Роль поезда играл Станислав Александрович Белковский, из него шёл пар.

Дмитрий Быков поставил ещё один спектакль "Анна Каренина". В этом спектакле Вронский и Каренина любили друг друга и поженились, а Анна Каренина уехала воевать на Балканы, где стала фронто-

На атаку своей страницы в Фейсбуке, что Александр Проханов считает составной частью информационно-идеологической войны против России и Русского мира, писатель и главный редактор "Завтра" отвечает новым циклом под условным названием "Покайтесь, ехидный!".

вой подругой генерала Скобелева. Скобелева играла Ксения Ларина.

Дмитрий Быков поставил ещё один спектакль "Анна Каренина". Вронский был красным комдивом и скакал на Фру-Фру, а Каренина был генералом Декинским и ездил на Колтомере. Анна Каренина была гимназисткой, и у неё был один глаз, потому что в другой глаз её ужалил шмель. Шмеля в спектакле играл Ганопольский.

Дмитрий Быков поставил оперу "Анна Каренина". Каренин, Вронский и Анна уплывают во Францию на философском пароходе. Партию Анны Карениной исполнял Александр Глебович Невзо-

Александр ПРОХАНОВ

роф. Он же исполнял партию Вронского и партию Каренина. По приезде во Францию все трое бросились под поезд.

Дмитрий Быков поставил балет "Анна Каренина". Музыка для балета писал не Родион Щедрин, а Штур. Каренину танцевала Ольга Журавлёва, Вронского танцевала Оксана Чих, а Анну Каренину танцевал Станислав Александрович Белковский. Александр Глебович Невзоров изображал паровоз. У него был огромный живот, и в этом животе была красная звезда. Он пыхтел.

По заказу Министерства обороны Дмитрий Быков поставил "Анну Каренину" в виде танкового би-

ПОТЕРЯ ЛИЦА

атлона. Каренин был танк Т-90М. Вронский был танк Т-72. Анну Каренину изображала боевая машина пехоты. Вронский ухаживал за Анной Карениной. То есть Танк Т-72 догонял боевую машину пехоты и подминал её под себя. Боевая машина пехоты истошно кричала голосом Натальи Болтынской.

Поставленные Дмитрием Быковым спектакли пользовались огромным успехом, и ему присудили премию "Золотая маска". На фестивале на Дмитрия Быкова надели "Золотую маску", но потом не могли её снять. Её пытались снять, но она не снималась. Ольга Быčkova мазала лицо Дмитрия Быкова слюной, думая, что маска соскользнёт, но она

не соскользнула. Юрий Кобаладзе сбивал маску с помощью зубила, но маска не снималась. Алексей Алексеевич Венедиктов орудовал бензопилой, но маска всё равно не снималась. Тогда прибегла Фру-Фру, которую играл Александр Глебович Невзоров. Задними копытами он ударил маску, и та слетела, но при этом Дмитрий Быков потерял половину лица. Вторую половину лица он потерял в своей изнурительной полемике с писателем Александром Прохановым. Критики писали, что "Золотая маска" была для Дмитрия Быкова смертельной маской.

Дмитрий Быков устал от классики и хотел поставить что-нибудь современное и актуальное, и он решил поставить "Дядю Ваню". Дядя Ваня находился в Архипелаге ГУЛАГ, то есть был помещён в шкаф и весь спектакль провёл в шкафу. Он обращался к шкафу "многоуважаемый шкаф", и все знали, что он узник совести. Дядю Ваню играла психолог Шульман.